

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.78.10.017

Эсхатология эпохи метамодерна: как современному человеку пережить Апокалипсис?

Тебякина Елена Евгеньевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах),
Военная академия материально-технического
обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 8;
e-mail: elenasofos@gmail.com

Предовская Мария Михайловна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин им. В.У. Агеевца,
Национальный государственный университет физической
культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,
190121, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Декабристов, 35;
e-mail: predovskaia@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются в философско-исторической перспективе различные типы эсхатологических представлений, которые выработало человечество, и предпринимается попытка проследить генезис современных концепций ожиданий и трактовок как апокалипсиса, так и его последствий, постапокалипсиса, выраженных в современных формах искусства, особенно в кинематографе и сериалах. Особое внимание уделяется десакрализации, переходу от религиозной парадигмы к научной и культурной. Начиная с провозглашенной Ницше в XIX веке «смерти Бога», к концу XX века тот процесс переносит ответственность за конец бытия с божественного провидения на само человечество. При этом утверждается, что медиа играет главную роль в смене базисной установки, одновременно притупляя чувствительность потребителя к необратимости и тиражируя тревожность. Так к концу XX века фокус смещается с необратимого конца истории на «постапокалипсис» – этап обновления и перезапуска, что закрепляется в ставшем популярным одноименном культурном жанре. В XXI веке под влиянием формирующегося метамодерна апокалипсис «фрутинируется», превращаясь в серию «мини-апокалипсисов» как кризисов (экономических, энергетических, личностных). Анализируя, как человек информационной эры переживает «длящийся апокалипсис» в условиях медийной гиперстимуляции и виртуализации опыта, авторы выделяют три основные стратегии адаптации: коллективная эмпатическая солидарность, активная подготовка к выживанию и адаптация через переосмысление опыта и поиск новых смыслов. При этом последняя характеризуется как наиболее релевантная, отражающая установку метамодерна на перепроживание и осмысление прошлых травм.

Для цитирования в научных исследованиях

Тебякина Е.Е., Предовская М.М. Эсхатология эпохи метамодерна: как современному человеку пережить Апокалипсис? // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 380-390. DOI: 10.34670/AR.2026.78.10.017

Ключевые слова

Эсхатология, апокалипсис, постапокалипсис, метамодерн, этический парадокс, катастрофа, выживание, сериалы.

Введение

Размышления не только о собственной, индивидуальной конечности, но и о конечности бытия в целом преследовали человечество с самых первых глав его осмысленной истории. Апокалиптические настроения, ожидания Судного дня и начала нового мира, или же обновления вечного цикла существования и перерождения встречаются во многих религиях: шумерская идея о Великом Потопе, нашедшая своё воплощение в авраамических концепциях, Рагнарек древних скандинавов и т.д., в индуизме (концепция ухудшения эпох и нравов, гласящей что человечество живёт в последней, худшей Кали-юге, которая завершится концом мира), в христианстве (библейское пророчество об Апокалипсисе).

Его ожидали и философы. Так Гесиод в «Трудах и днях» развивал космологическую идею истории не как конечной линии, а как лишь вечно повторяющегося возвращения лучшего Золотого века. В XIX веке, благодаря работам Фридриха Ницше, эта идея получает поэтическое название «Идеи Вечного возвращения», с той лишь разницей, что Ницше предполагал извечное и неизменное Возвращение того же самого, а сам Гесиод (по аналогии с индуистскими учениями) - Возвращение и становление идеализированного прошлого.

То, что апокалиптические настроения усиливались в критические моменты исторического процесса давно стало общепризнанным фактом: их актуализацию провоцировали смена эпох, династий и любых явлений политической, экономической и социальной жизни, которые на том или ином этапе истории человеческого рода становились явлением массовой коллективной травмы. И, хотя конкретные формы они обретали в зависимости от доминирующих в обществе мировоззренческих установок (религиозных, культурных или политических), все же основными болезненными триггерами оставались те же мотивы, что заставляли и наших древних предков испытывать ужас и ждать «последних времен», а именно, болезни и войны, как наиболее распространенные бедствия, затрагивающие широкие слои населения и наносящие максимальный урон общественному благосостоянию и жизни в целом. А уже к началу XX века к ним добавляются также и экономические кризисы, претендующие на место в нашем сознании в качестве критичных архетипических событий, которые периодически повторяются как в жизни отдельного человека, так и всего глобального информационно-технологического человеческого общества в целом. Современный же Апокалипсис эпохи метамодерна может означать и конец собственно виртуального мира гаджетов, а также постоянно доступного «карманного» интернета, например, из-за энергетического кризиса или выведения из строя вышек сотовой связи и создания помех в работе интернет-провайдеров, которые могут возникать по вполне обыденным причинам. Метамодерн в отличие от постмодерна стремится вновь наполнить смыслом глобальные метанарративы, но не просто вернуться к исходным

определениям, но через виртуальность переработать развенчанное постмодерном содержание и встроить глобальные смыслы в обыденность конкретного человеческого существования. Таким образом, апокалипсис в XXI веке становится привычным, рядовым событием (экономический кризис с его волновыми течениями, личностные кризисы психологического развития, национальные кризисы, энергетические, экономические и т.д.) своеобразным мини-апокалипсисом, привычным явлением с понятными и устоявшимися формами адаптации к нему, реализуемые как в медицинской и психоаналитической практиках, так и в культурно-художественной форме (литературе, искусстве и кинематографе). Как отмечают отечественные исследователи: «При всей драматичности текущей повестки, внутри культурного поля одновременно порождается усталость и определенная натренированность к переживанию апокалипсиса и некоторые интеллектуальные стратегии жизни в момент бесконечно длящегося «Судного Дня», облеченные в форму художественного высказывания».[Суворова, 2024, с.27] Особенно ярко эта идея выражается в современном кинематографе и сериальной культуре, так как в «Золотом веке сериалов» тема апокалипсиса и постапокалипсиса становится наиболее плодотворной.

Если в прежние эпохи подобные эсхатологические ожидания или переживания имели возможность канализоваться благодаря практикам религиозного и/или экстатического переживания эсхатологических мотивов, находя разрешение в религиозном ключе, то последние годы они исчерпывают себя, поскольку коллективный опыт веры не способен удовлетворить разнообразные и разноректорные потребности каждого конкретного индивида.

С гибелью метанарративов (в том числе и религиозных, христианских) о которых писал Жан-Франсуа Лиотар [Лиотар, 1998], эпоха постмодерна разрабатывает свои способы стабилизации человека (в основном связанные со стратегиями избегания или ухода от не устраивающей индивида действительности, в том числе и посредством деструктивных практик), которому, в период глобальных эсхатологических катастроф, становится недостаточно индивидуального подхода к их осознанию и нейтрализации (например, посредством религиозных или психоаналитических практик). В XXI веке справиться с этой проблемой на уровне единичного человека с помощью научных достижений в области медицины, фармакологии, психологии и психоанализа, становится уже невозможным. Современное переживание эпидемий (онкологические заболевания, эпидемия СПИДа, или недавний COVID-19) и войн в эпоху информационных технологий выходит за границы личных страхов, непосредственно включенных в них личностей. При массовом и почти мгновенном распространении любого вида информации через СМИ и интернет подвергаться опасности могут и те люди, кто, казалось бы, должны были считаться «пассивными наблюдателями», находящимся в безопасности, благодаря физической дистанцированности от непосредственного участия, даже несмотря на возможность опосредованной вовлеченности через круг общения.

Изменяются также формы религиозного бытия и опыта веры, переходя в виртуальное пространство, но при этом парадоксально приобретая ещё более личностный характер, в том числе и в плане осознания апокалипсических мотивов. Как отмечают отечественные исследователи: «Религиозные символы, язык, культ и т.п., адаптируются к запросам цифрового общества, члены которого обращаются за разъяснениями непонятных мест в вероучении не к священнослужителю, духовнику, а в интернет, к интернет сообществу, задает вопросы священнослужителю в блоге, на виртуальной религиозной службе (что больше подчеркивает личный характер веры, а не коллективный опыт веры, единение в вере)» [Мартьянова, Чеснова,

2021, с.10].

Каковы же современные способы переживания эсхатологических настроений у человека информационной эры? Возможно ли благодаря дистанцированности с одной стороны, и обыденности ретрансляции травмирующего контента с другой, при ежедневной трансляции средствами массовой информации сообщений о смертях и жертвах, потерять лишь чувствительность к происходящему, не утрачивая сострадания, или же наоборот, именно деятельность СМИ методичным повторением усиливают и распространяют панические настроения, манипулируют сознанием масс и не только приводят к нервным расстройствам, но и внушают апокалиптические настроения? В таком случае возникает закономерный вопрос: как пережить апокалипсис, не отказываясь от современных виртуальных практик и не исключая себя из виртуального мира?

Эсхатологические концепции от Древности до XX века

Апокалиптические настроения с древнейших времён составляли существенную часть человеческих представлений о мире и являлись неотъемлемой частью глобального культурного кода человечества. При этом, эсхатологические концепции древних культур не всегда несли однозначно негативный смысл уничтожения и катастрофичности. Более того, часть подобных представлений рассматривалась не просто как естественная часть природного мира (например, концепции естественного происхождения войн, исходящие из агрессивности и невозможности изменить как внутреннюю природу человечества, так и жестокость окружающего мира, с которым человек вынужден постоянно находиться в противостоянии и борьбе), которую невозможно преодолеть, а можно лишь смириться или минимизировать последствия этих событий, но и как желанное и необходимое событие для обновления качества мира и его радикального переустройства. Как отмечает отечественный культуролог А.Ф. Белоусов: «Согласно мифологическим концепциям классической эсхатологии концепции «конца света», представляющей его наказанием за воцарившееся на земле зло, противопоставит другой взгляд на будущую катастрофу, согласно которому она явится очищением мира, после чего сразу же должен наступить «новый мир» и пойти «новая жизнь» [Белоусов, 2023, с.21]. Христианское мироощущение меняет подход к эсхатологическому, придавая ему фатальный, трагический характер: «С переходом к христианской системе мира представления об Апокалипсисе изменяются и приобретают резко негативную окраску. Поэтому последние полторы тысячи лет восприятие себя и мира, менталитет и жизненный мир (Lebenswelt) как западных, так и восточных людей формировался под доминирующим влиянием христианства, наложившего свой отпечаток не только на религиозную и повседневную жизнь людей, но и на их представления о морали, природе добра и зла, с вытекающими из них этическими принципами. Для религиозного сознания Апокалипсис - неизбежная завершающая глава истории человечества, замыкающая цикл отпадения человека от Бога возвращением к нему оказавшихся достойным, и «грядущая битва с Антихристом придавала борьбе, которую вела всякая душа, поистине вселенское напряжение» [Кивельсон, 2020, с. 57].

Тезис Фридриха Ницше о Смерти Бога закрепляет не только разрушение христианской эсхатологической парадигмы, но открывает новую, четко не сформулированную до сих пор, научную. И именно рациональность, научность, стремление человека к познанию и гносеологический оптимизм XIX века приводит человечество к новым угрозам, вызванным уже

не его аморальным, боготступническим или богоборческим поведением, но практическим применением научных достижений. Так XX век демонстрирует результаты не только глобально созидających (благодаря расцвету индустриализации, промышленными революциями и научному перевороту), но и массово деструктивных возможностей человека (изобретение оружия массового поражения, две Мировые войны, антигуманные медицинские эксперименты и многое другое). В этом смысле применение атомной бомбы и развитие техники и технологий одинаково способны привести мир к необратимым, фатальным переменам. Так происходит смещение ответственности «Инициатора Апокалипсиса» из области Сакрального, к профанному пространству, возлагалась как на представителей научного сообщества, так и их творения. После осознания глобальности угрозы полного уничтожения человечества, наступает отрезвляющее понимание необходимости ограничения применения столь страшного оружия и недопущения глобального военного конфликта (что, при этом, не исключает множества мелких конфликтов низкой интенсивности), а фокус апокалипсичности смещается на более повседневные вещи. Начинается эра мини-Апокалипсисов (экономических, политических, культурных), которые постоянно переживаются как всем человечеством (пронизанным глобалистическими и информационными взаимосвязями), так и каждым отдельным человеком. И тем не менее, XIX век не просто заканчивается провозглашением тезиса о Смерти бога, но скорее XX век начинается стремлением вывести вывести гуманитарную, и в том числе этическую проблематику за пределы религиозной сферы, переведя ее в область научной картины мира, оставляя истину как логическую категорию вне рамок этического оценивания, по сути позволяя ей доминировать над ним. И таким образом, религиозное и эсхатологические представления выводятся в область метафизического, «сверхъестественного» и «сверхприродного», и «поскольку истина философии есть «истина человеческого присутствия» (Хайдеггер), «властвующее» осмысляется в «логосе» и реализуется в «техне» (τεχνη), во включенности человеческого действия в судьбу мира и во «владычество сущего» [Орлов, 2013], то требование научной верификации, подтверждение истинности ставит новую над-этическую проблематику главенства науки и ценность научного эксперимента превыше традиционных этических ценностей (концентрационные лагеря во Второй Мировой войне, эксперименты с психикой человека, клонирование). Возникает вопрос, извечный Достоевский вопрос: возможно ли принесение малой жертвы во благо всего человечества, и наука уверенно отвечает «да». Как отмечают исследователи: «Возникновение же технократического стиля мышления, при котором прогрессивные изменения в одной области приводят к регрессу в гуманитарных сферах жизнедеятельности, определили роль эсхатологической составляющей как некой компенсаторной единицы, при возникшем отраслевом дисбалансе». [Акулова, 2017, с.129].

Таким образом научное сообщество к концу XX века сталкивается с этическим парадоксом: как можно построить рай на земле при помощи науки, если наука изначально вне-моральна и ее методы не подпадают по этические запреты, категории и максимы? Поразительно то, что именно искусство реагирует на эту проблему значительно опережая философское осмысление. Литература пытается осмыслить этическую часть проблемы посягательства на божественные привилегии в метафорической форме. Так еще в 1818 году выходит ставший мировым бестселлером роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли [Шелли, 2023], полагавшей, что она всего лишь создает новую тему в рамках популярного в то время готического романа, а на самом деле, становится одной из основательниц нового жанра - научной фантастики. Возможность создания «Монстра Франкенштейна» свидетельствует об

окончательном уравнивании сакрального и профанного, поскольку богоподобность человека отражается в его способности создать живое существо. Так человек реализует миф о Прометее, в образе которого срастается культурный герой и высшее сакральное существо. Таким образом акцент смещается с божественного акта, с недоступной сакральной вершины на жизнь человека, в область профанного. Даже учёный, обладающий знанием, перестает быть носителем сакрального, так как остается в пространстве потенциального достижимого для любого, благодаря обучению. То есть ученые теряют статус носителей тайного знания, выделяясь в сфере профанного не как прежде причастностью к сакральному, а лишь уровнем освоения общедоступных практик. Несмотря на форму готического романа, в нем ставятся вопросы, которые станут критическими для самосознания человечества только почти 150 лет спустя [Шульпяков, 2018]. А именно этические вопросы, связанные с ответственностью человечества за «деяния собственных рук», связанные с попытками искусственного зарождения жизни в виде, например, воскрешения мёртвых (идеи русских космистов, в частности Н. Фёдорова, литературные произведения М. Булгакова, фильм «Строгий юноша» А. Роома на основе идеи Ю. Олеши, романы Г.Ф. Лафкрафта и У. Симбука - начало XX века в целом было эпохой расцвета подобных идей в искусстве самых разных жанров и получило массовое распространение благодаря глобальным мировым тенденциям) или искусственного создания новой жизни в обход биологии, а на сегодняшний момент - создание искусственного интеллекта и андроидов, как новой формы жизни и принципиально иной витальности.

Взаимодействие скандинавской и христианской мифологемы породило на Руси весьма отличающееся от западноевропейского восприятие Апокалипсиса. Как пишет уже упоминавшаяся Валери Кивельсон: «Официальная эсхатология Московского государства выглядела совсем по-иному, нежели на западе, и не содержала жутких апокалипсических видений с реками крови и чудовищами, бродящими по миру. Напротив, последние времена ожидалось с нетерпением: ведь тогда православный царь поведет своих благочестивых подданных к спасению» [Кивельсон, 2020, с. 103].

Эта позитивная традиция восприятия апокалипсиса сохраняется вплоть до XX века в русской философской мысли, когда научная картина мира вносит свои коррективы и в восприятие христианского хронотопа. В частности, если роль человека в Апокалипсисе христианской традиции, как безусловно знаковое событие религиозной онтологии, все еще видится пассивной, осужденной на гибель или принуждаемой к спасению, то научная идеология возвышает его до фигуры, активно принимающей участие в мировом переустройстве. Именно из этого вырастает трактовка коммунизма как по сути религиозного стремления обретения Царства Божьего собственными силами и на земле, пусть и «вывернутого наизнанку». Собственно, эта деятельностная установка ложится в основу и фёдоровского требования к человечеству взять на себя ответственность за воскрешение мертвых, ради исполнения Божественного замысла.

Середина XX века, пережив две Мировые войны и атомную бомбардировку японских городов, вновь обращает человечество к вопросу и даже к требованию введения этических границ для научных изысканий. СССР, как де-религиозированная страна, пытается доказать возможности построения «Новой этики» (коммунистической, рациональной, научной), полностью оторванной от религиозной, которая постулируется в качестве архаического пережитка темных, донаучных времен. Однако, уже к концу века проблематика полностью переходит из области философского осмысления в область искусства и развлечений, где

человечеству приписывается совершенно иная роль, не созидательная, а разрушительная. Вольно или невольно, но именно человек, а не божественное провидение запускает цепь событий, которая уничтожит мир.

Разрушение двуполярной мировой системы, для обеих сторон репродуцирующей христианскую бинарность добра и зла, казалось бы, должно было не просто создать, но закрепить понимание общей ответственности за судьбу мира, его удержания от Конца, переключая внимание обывателя с религиозно мифологического сюжета к чисто прагматическим, причинно-следственным связям. Одновременно обесценивая Конец света, и как всеобщий итог, и как всеобщую катастрофу.

Вопрос о том, возможна ли атомная война и полное уничтожение человечества (без разрушения планеты) порождает новый жанр, связанный с принятием подобного исхода, который стремительно развивается и получает название «Постапокалипсис». В нем от исходного страха уничтожения Земли как планеты, фокус смещается на обсуждение того, что будет происходить с выжившими в глобальной или локальной катастрофе, меняющей, но полностью не уничтожающей планету. То есть вместо Конца, можно говорить о новом начале, перезапуске системы, после обнуления. Так апокалипсис начинает вновь рассматриваться как комплексный процесс, включающий в себя три основные стадии: завершение (окончательное уничтожение старого), воздаяние (кара за нарушение предустановлений, приведших в итоге к апокалипсису), обновление (начало нового цикла). И именно в третью фазу переносится основной сюжет, а первые две - остаются на правах предыстории как дань многовековой традиции. Постапокалипсис как жанр таким образом, сводится к стратегеме перехода от антиутопии- к новой утопии, в которой ценой разрушения всего привычного, через культурную робинзонаду, дается возможность его постепенной реконструкции, через сознательную избирательность в возрождении сложившихся социальных, экономических и политических практик.

Представления об Апокалипсисе в XXI веке

XXI век, переходя в новую культурную ситуацию метамодерна, сосредотачивается именно на выходе в новый цикл (переходном периоде), таким образом избегая постановки этической и онтологической проблематик, сосредотачиваясь на антропологических вопросах. Интерес к миру за гранью апокалиптического связан не только с преодолением скуки обыденного существования (события апокалипсиса точно захватить человека целиком и вырвет его из мира скуки и повседневности), но и с возможностью открыть в себе новые, наполненные смыслом стороны собственного существования в борьбе за выживание (самого себя или человечества как вида в целом). «Притягательность конца света - в мгновенном мощном и бесповоротном разрушении однообразного существования, это реализация желания глобальных перемен, желания начать жить заново. Ведь многие воспринимают конец света оптимистично, в современном мире это скорее надежда, чем трагедия». [Воронин, Егорова, 2019, с.1276].

Современное общество, из-за средств массовой информации, привыкшее к ежедневному пассивному и отстраненному наблюдению за смертями, трагедиями и войнами в рамках информационной среды и ввиду этого имеющее низкий уровень эмпатического сопереживания, когда ситуация не имеет личного отношения, все еще способно к реакции на апокалиптическую тематику, именно в качестве личностной. Жанр фильмов-катастроф, а позднее и

постапокалиптики, создают представление об эсхатологическом исходе как понятном и ожидаемом событии, не связанном с сакральным. И интерес вызывает то, что будет после, потому как десаκραлизация лишает его финальности.

Лишаясь божественной «окончателъности», постапокалипсис возрождает циклическое восприятие временности, как еще один из инвариантов преодоления идеи конечности человеческой истории. Вместо возвращения к идеализированным райским садам начала истории, где вновь должны быть преодолены болезни и смерть, мир после Глобальной катастрофы строится на обратном движении - к ним как норме, противостоящей комфорту и безопасности современности. И уже дальше, через смерти и/или болезни, создавая новую норму в агрессивном окружении - начало пути воссоздания утраченной цивилизации, попытке восстановить утраченный земной рай без непосредственной помощи Бога. Так страх перед концом света, как концом истории человечества, современные апокалиптические настроения смещаются в сторону утраты комфорта и безопасности, возвращению в дикость или стремительному регрессу к примитивным формам быта и организации социума. И перезапуск мировой истории становится единственным оптимистическим маркером, воплощая новую утопию, как мир, совмещающий современные знания, но при этом прошедший очищение от скверны, накопленной за историю.

Возникает вопрос, что встанет на первый план в вопросе этики Постапокалипсиса - возрождение или выживание. Так, например, в повести 1912 года Джека Лондона «Алая чума» [Лондон, 2017] человечество после эпидемии скатывается в первобытное состояние ради самосохранения, живёт примитивными понятиями, не развивает науку и технологии и просто выживает, чтобы потом через много тысячелетий вновь достигнуть высокого технологического уровня. Но, в подавляющем большинстве уже современных сериалов, посвященных подобной тематике, мы обнаруживаем именно прогрессорские и этические мотивы. И даже вышедший в 2010 году сериал «Ходячие мертвецы» Фрэнка Дарабонта достаточно быстро эволюционировал от зомби-ужасов к вопросам этики и гуманности, а вышедшие в последние годы хиты «Одни из нас» (2023 г., создатели Крейг Мейзин · и Нил Дракманн), «Убежище» (2021 г, создатель Грэм Йост), «Воспитанные волками» (2020 г., создатель Аарон Гузиковский), «Сквозь снег» (2020 г., создатель Грэм Мэнсон) и многие другие уже в большей степени используют постапокалиптику в качестве экстремальной модели для проявления личности персонажей, а не их бесконечного путешествия к утраченному раю современной повседневной нормы.

В этом смысле особо интересным представляется сериал «Революция» (2012 г., создатели Эрик Крипке, Дж. Дж. Абрамс), в котором «конец света» удален от действия на 15 лет, и пережившие адаптационный период герои ищут способа возвращения в «утраченный рай», мир электричества как повседневной нормы до катастрофы.

Даже в популярных сегодня антиутопических сюжетах книг «Голодные игры» Сьюзен Коллинз, «Дивергент» Вероники Рот и многих других, на которых основываются популярные кинематографические франшизы, не предполагается необратимость, требуемая для Христианского апокалипсиса, а только избирательность. То есть, согласно рассматриваемым нарративам, правящая элита сохраняет блага современных технологий благодаря власти и статусу, а остальные, в условиях жесткой иерархической системы без социальных лифтов, вынуждены ради выживания работать на них. Этим не просто подчеркивается регресс к архаической системе наследственного статуса, противопоставленной гуманистической меритократии, но и рассматривается конфронтация различных конкурирующих подходов:

прагматическо-утилитарного (накопления, власти, доминирования пользы над этикой) и этико-идеалистического (творчество, искусство, доминирование морали над пользой).

Вывод

Концепции апокалипсиса в современном мире становятся обыденной реальностью. Но как же современному человеку пережить это событие, если оно, с одной стороны, утратило первоначальный окончательный (или завершающий цикл) смысл, а, с другой, приобрело делящийся характер, переходящий в структуры постапокалипсиса? Поскольку уйти от переживания события апокалипсиса практически невозможно, а человек современной постмодерновой эпохи слишком вовлечён в гибкие структуры виртуальности, пронизанные нитями СМИ, не позволяющими индивиду отключиться от ситуации наличного сейчас и построить альтернативную действительность, то возможны три стратегии эсхатологического переживания. Во-первых - радостное торжество с чувством сопричастности к огромной массе людей. Такое переживание основано на чувстве эмпатии и коллективной практике переживаний (сходная картина наблюдалась во время пандемии COVID-19, когда люди разных стран делились в интернете собственным опытом переживания пандемийных ограничений и поддерживали друг друга), но в контексте апокалипсиса оно будет пронизано ещё большей всеобщей связью и представлением о справедливости (все люди смертны и все умрут, да ещё и одномоментно). Вторая стратегия прямо противоположна первой. Согласно ей, необходимо не принимать событие апокалипсиса, а активно подготовиться к нему (обустроить бункер, запастись продуктами и оружием, собрать людей значимых профессий). Как раз данное направление активно исследует современная сериальная культура, раскрывая темы постапокалиптического будущего, исследуя вопросы морали, построения нового «лучшего» человечества. Третья же стратегия занимает срединное положение (и, вероятно, наиболее мила срединности эпохи метамодерна) и рассматривает возможность приспособления к новым изменившимся условиям (биологическим, экологическим, экономическим, политическим и т.д.) и нахождению новых смыслов через переосмысление предыдущего опыта и с учётом развенчивающей критики постмодерна.

Библиография

1. Акулова И.С. Тенденции современной эсхатологии // Современные концепции развития науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 28 января 2017 года / Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. Том 3. Екатеринбург: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2017. С. 128-130.
2. Белоусов А.Ф. Культура. Литература. Фольклор. М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2023. 784 с.
3. Воронин А.С., Егорова О.А. Апокалипсис в современном массовом кино // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2019: материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 21–22 марта 2019 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2019. С. 1272-1276.
4. Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. М.: Academic Studies Press, 2020. 441 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Лондон Д. Алая чума. М.: Издательство «Эксмо», 2017. 96 с.
7. Мартыанова Е.Г., Чеснова Е.Н. Трансформация современного мировоззрения (на примере религии, веры и эсхатологии) // Paradigmata Poznani. 2021. № 4. С. 9-11.
8. Орлов М.О. Власть мифа как явление культуры и общества // Мир человека: нормативное измерение – 3.

- Рациональность и легитимность: Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13-15 июня 2013 г.) / редкол.: И.Д. Невважай (отв. ред.) и др. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2013. С. 110-115.
9. Суворова А.А. Эсхатологические и апокалиптические мотивы в современном российском искусстве // Артикульт. 2024. № 3(55). С. 24-33.
10. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М.: Издательство Мартин, 2023. 224 с.
11. Шульпяков Г. Назову себя Франкенштейн // Огонек. 2018. № 17 (14 мая). С. 34-36.

Eschatology of the Metamodern Era: How Can Modern Man Survive the Apocalypse?

Elena E. Tebyakina

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Military-Political Work in the Troops (Forces),
General A.V. Khrulev Military Academy of Logistics,
199034, 8, Makarova Emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elenasofos@gmail.com

Mariya M. Predovskaya

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the V.U. Ageevets
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sport and Health,
190121, 35, Dekabristov str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: predovskaia@gmail.com

Abstract

The article examines and analyzes various types of eschatological concepts developed by humanity from a philosophical-historical perspective, and attempts to trace the genesis of modern concepts of expectations and interpretations of both the apocalypse and its consequences, the post-apocalypse, expressed in modern art forms, especially in cinema and TV series. Particular attention is paid to desacralization, the transition from a religious paradigm to a scientific and cultural one. Beginning with the "death of God" proclaimed by Nietzsche in the 19th century, by the end of the 20th century, this process shifts responsibility for the end of being from divine providence to humanity itself. It is argued that media plays a major role in changing the basic attitude, simultaneously dulling the consumer's sensitivity to irreversibility and replicating anxiety. Thus, by the end of the 20th century, the focus shifts from the irreversible end of history to the "post-apocalypse" – a stage of renewal and restart, which is consolidated in the popular cultural genre of the same name. In the 21st century, under the influence of the emerging metamodern, the apocalypse is "routinized", turning into a series of "mini-apocalypses" as crises (economic, energy, personal). Analyzing how the person of the information age experiences the "ongoing apocalypse" in conditions of media hyperstimulation and virtualization of experience, the authors identify three main adaptation strategies: collective empathic solidarity, active preparation for survival, and

adaptation through rethinking experience and searching for new meanings. The latter is characterized as the most relevant, reflecting the metamodern attitude towards re-living and comprehending past traumas.

For citation

Tebyakina E.E., Predovskaya M.M. (2026) Eskhatologiya epokhi metamoderna: kak sovremennomu cheloveku perezhit' Apokalipsis? [Eschatology of the Metamodern Era: How Can Modern Man Survive the Apocalypse?]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 380-390. DOI: 10.34670/AR.2026.78.10.017

Keywords

Eschatology, apocalypse, post-apocalypse, metamodern, ethical paradox, catastrophe, survival, TV series.

References

1. Akulova, I. S. (2017). Tendentsii sovremennoy eshatologii [Trends of modern eschatology]. In *Sovremennyye kontseptsii razvitiya nauki* (Vol. 3, pp. 128-130). OMEGA SAINS.
2. Belousov, A. F. (2023). Kultura. Literatura. Folklor [Culture. Literature. Folklore]. *Novoye literaturnoye obozreniye*.
3. Kivelson, V. (2020). *Magiya otchayaniya. Moralnaya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka* [Desperate magic: The moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia]. Academic Studies Press.
4. Liotar, J.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition] (H. A. Shmatko, Trans.). Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Aleteya.
5. London, D. (2017). *Alaya chuma* [The scarlet plague]. Eksmo.
6. Martyanova, E. G., & Chesnova, E. N. (2021). Transformatsiya sovremennogo mirovozzreniya (na primere religii, very i eshatologii) [Transformation of modern worldview (on the example of religion, faith, and eschatology)]. *Paradigmata Poznani*, 4, 9-11.
7. Orlov, M. O. (2013). Vlast mifa kak yavleniye kultury i obshchestva [The power of myth as a phenomenon of culture and society]. In I. D. Nevvazhay (Ed.), *Mir cheloveka: normativnoye izmereniye – 3. Ratsionalnost i legitimnost* (pp. 110-115). KUBiK.
8. Shelley, M. (2023). *Fransenshteyn, ili Sovremennyy Prometey* [Frankenstein, or the modern Prometheus]. Martin.
9. Shulpyakov, G. (2018, May 14). *Nazovu sebya Fransenshteyn* [I will call myself Frankenstein]. *Ogonyok*, 17, 34-36.
10. Suvorova, A. A. (2024). Eskhatologicheskiye i apokalipticheskiye motivy v sovremennom rossiyskom iskusstve [Eschatological and apocalyptic motifs in modern Russian art]. *Artikult*, 3(55), 24-33.
11. Voronin, A. S., & Egorova, O. A. (2019). *Apokalipsis v sovremennom massovom kino* [The apocalypse in modern mass cinema]. In *Student i nauka (gumanitarnyy tsikl) - 2019* (pp. 1272-1276). Magnitogorsk State Technical University.